

Имею право быть...

Известный ученый Борис Владимирович Преображенский размышляет о себе и своем месте в жизни. Речь не о науке – о человеке. Фрагменты из рукописи на рабочем столе предлагаем читателю.

...Оглянулся назад – а там ничего существенного. Хотя попутал по глобусу изрядно. Бывал, бывал-таки кое-где, много смотрел вокруг себя. Вроде того дурня из английской песни. Сидит на холме и смотрит на мир. И глаза в его голове видят, как мир вращается вокруг самого себя. Мне такое видение мира очень даже симпатично. Вообще-то это первыйший прием честной научной регистрации процессов в окружающем нас мире. Ни тебе забот, ни планов. Сиди себе и гляди. Как в той русской частушке: «Сидит милый на крыльце с выражением на лице. Выражает на лице, что сидит он на крыльце».

В оправдание скажу, что я никаких особых планов для себя никогда и не строил. Просто подбирал то, что валяется на дороге перед самым моим носом. И вся мудрость. Ну, хотел, хотя и не планировал, покончить с полным курсом детского сада и стать школьником. Это не было тягой к школе или к знаниям. Очень хотелось больше неходить в детский сад, где все было мне чуждо. Там я для всех был чужой. Точно так же хотел поскорее покончить со школой, где все было еще более чуждым. Там я тоже был всегда и почти для всех чужой. Была, правда, четверка друзей. Все мы упросили родителей купить нам входившие тогда в моду синие лыжные костюмы. И прозвали нас «синепузые».

А что потом-то? Учителя говорили: надо либо поступать в высшее учебное заведение, либо идти в дворники. В дворники, вообще-то, не всякого возьмут. Там что-то уметь надо, а школа нас готовила не для того, чтобы что-то уметь. Вот мы в массе и не умели. Обучение после седьмого класса платное. Денег нет – иди в ремесленное. Есть деньги – за-канчивай десятилетку. Ну, а потом?

Дальнейшую мою судьбу все время кто-то решал за меня, открывая передо мной в моей длинной трубе новые коридоры с разводками. Мне надо было только наугад свернуть в тот или иной предложенный тоннель. А назад пути уже нет. Видимо, по неизвестию пропустил несколько поворотов, в которых могли бы быть и интереснее, и выгоднее. А может, наоборот, хуже и хуже, как выражалась одна из наших классных дам-руководительниц.

Мама хотела, чтобы я стал садоводом. Была у меня в юности тяга к ботанике и садоводству. Даже в школе был старостой кружка мичуринцев. Учительница ботаники Тина Мартыновна, которую мы между собой звали Тина Трясиновна, меня к этому делу старательно привлекала. Мне нравилось копаться в грядках и делать прививки. Стало быть, логично поступить в Мичуринскую академию. Но моя любимая подружка-невеста подговорила меня поступать вместе на геологический факультет в университете. Ну так и что, почему бы нет, лишь бы быть к ней поближе. Да и вырос я в геологической среде, все книги с детства про геологию, палеонтологию, географию да про путешествия. Брат на геологическом факультете. Студенты-геологи – что твои гусары. В фуражках с кокардой и лакированым козырьком, в черной форме, в шинелях с золотыми эполетами. На брюках – голубые кантинки.

И вот уже прошел я видимый даже на глобусе длинный отрезок в тоннеле, в который, как в трубу, начал заглядывать еще в детстве. И сейчас в результате вижу, что вообщем-то в трубе этой пусто, и ничем-то ничем, кажется мне, я эту трубу так и не заполнил. Разве что какой-то мусор в ней остался. Но все кажется мне, что-то надо успеть, выполнить какое-то задание. А какое – неведомо. Ну прямо как в школе с заданиями на дом, которые не выполнил, потому что не записал в дневнике. И дневник потерял. А там двойки да записи красными чернилами. Подумаешь-подумашь – да ну их всех, надо ли успевать и кому и что я должен? А потом подумаешь о детях, о внуках, о правнуках, коим несть числа. Они что-то должны знать о дедах-прадедах? Кто и что им расскажет! Уж лучше я сам по мере возможностей и по мере владения русским словом.

Вообще в юной жизни главная беда – школа. Там – привычный вывих. Я, как всегда, опять не выполнил домашнее задание... Стихи не выучил, что надо написать – не написал, какую-то там задачку не решил. Сижу и ничего на доске не вижу, – из-за послевоенного голода, авитаминоза, быстро прогрессирует близорукость. Но этого никто не замечает, а мне и невдомек. Полагаю, что все видят так же. Пишу что попало, со слуха. Все, что запомнил, – запомнил на слух, пока другие повторяют у доски плохо выученный текст. Да я про это задание просто и думать забыл, мне интереснее на улице или книжку почитать. Оттуда понимание структуры русского языка. На письме делаю мало ошибок. Лучшее чтение – учебники брата. Он старший, и у него есть учебники, которые он читать не хочет, его всегда за это ругают, а мне интересно, и я вместо него все прочитал и запомнил. Все задания по литературе, полученные братцем, я помаленьку прочитывал как минимум на год раньше времени. Зато потом, когда по школьной программе мне задавали что-то

прочитать, я никогда этого не делал. Вот ведь и «Войну и мир» не читал. И до сих пор не хочу. И Льва Толстого терпеть не могу за его сопливые рассказы про детей. Потом оказалось, что Толстых несколько, и есть среди них вполне ничего себе. Особенно хорош Алексей Константинович, который «Князь Серебряного», «Историю государства российского...» и «Садко» написал. Жаль, в школе не проходят. И Лермонтова всего прочитал, и Пушкина, и Жуковского, и Гоголя – все сочинения от корки до корки.

Особенно неохота учить историю; да там вообще мало что понятно. Вот разве что ботаника, география... Я сам, по собственному наитию, прочитал очень много географических книг, описания путешествий Миклухо-Маклая, Козлова, Обручева, Ефремова, Пирса, Амундсена. Всю библиотеку приключений. С друзьями мы делились книгами, давали друг другу почитать. Много книг из нашей библиотеки уплыло нашими с братом стараниями.

До окончания семилетки учился я в основном вслед за братом, подбирая за ним крошки. Меня даже в пионеры не приняли из-за двоек. А потом и позабыли. Дома называться в этом было немыслимо. Мама мне галстук купила, и иногда утром мне дома его приходилось перед отходом на шею надевать и специальным замочком, на котором изображен костер с дровами, на шее затягивать. Так и шел в школу, но с поздороги снимал, потому что могли встретиться одноклассники, которые знают, что я не пионер, и станут дразнить, что, мол, самозванец.

Воронеж, в котором мы жили, расположился по берегам некогда судоходной реки Воронеж. Иду себе как будто бы в школу, по всей длине улицы Карла Маркса (бывшая до революции Садовой), сворачиваю налево по Проспекту Революции (бывшая Дворянская), против Дома офицеров – направо, по длинному спуску, по улице Помяловского, – к реке. Здесь после войны осталась одна из трех-четырех на весь город уцелевших школ, мужская средняя школа номер семь. В ней в эти же дни где-то в старших классах учился автор «Черных камней» Жигулин. После его ареста по школе долго не утихало поветрие перехвата учителями всех записочек, которыми обменивались ученики, падкие до всяких секретов. Далее дорога лежит мимо школы, через бугор, на речку Воронеж, что в семи километрах ниже впадает в Дон. Крадучись пробираюсь мимо школы, чтобы кто не заметил (кому ты там нужен!). И вот я на реке. Здесь на Быстрячке Петр Первый строил свой военный флот для похода на Азов. В реке в недрах песчаного dna погребено много древесины, в основном дуб. Ходят слухи, что американцы предлагали почистить дно реки и в уплату требовали отдать им весь мореный дуб, что найдут на дне реки. Но им показали фигу: самим мало...

Недалеко от петровского Яхт-клуба, что у Чернавского моста, взорванного совсем недавно, в только что отремонтированную войну, тихо. Я под этим мостом нынче регулярно сношу хожу. И у Яхт-клуба, и на Левом берегу, на той стороне Чернавского моста... Кажется, только позавчера был там последний раз. Все те же деревянные ледорезные быки, все тот же кривой деревянный мост, временно построенный на месте взорванного Красной Армией при отступлении прямого, как стрела, каменного. На самом деле мост давно, уж полвека назад, отстроен заново. Река превратилась в огромное «Воронежское море». Вода стала отвратительной, часто цветет, пить ее нельзя.

В воде много водорослей, плавают жуки-плавунцы, личинки стрекоз, по воде бегают клопы-водомерки. Вот до полудня и просидел. Теперь пора домой... И таким манером неделю подряд, пока не выяснилось. Ну тогда меня мама и ругала! Потом плакала. Это хуже любого наказания.

Репертуар моих снов на всю жизнь един. Сейчас – как и прежде. Тягучее ощущение того, что ты потерялся неведомо где в абсолютно чужом городе, ничего не знаешь и ничего не помнишь, все растерялся. А то еще привидится и того хуже – будто бы пришел сдавать в школе экзамен, да чаще всего литературу, или, уж совсем ужасно – историю, а сам ничего, как всегда, не знаю.

История как таковая, – вообще хуже всего. Главное, что на самом деле никакой истории никогда в действительности и не было. Последовательность хронологических дат и имен – это еще не история. Ее каждый раз по-новому придумывают в угоду каждый раз новой власти. А ведь как интересно начинаться – с легендами и мифами древней Греции. Там боги, титаны, герои. Всех знал наперечет, картинки рассматривал с интересом. Сам дома (библиотека-то огромная) перечитал все былины, все сказания. А потом оказалось – раз! Вся история заключается в том, что надо долбить наизусть какие-то даты, чью-то рассуждения про какие-то события, совершенно бессмысленные для меня, события которых, как теперь выясняется, никогда в реальности и не было.

Да, путь по трубе пройден уже достаточно длинный. Пожалуй, пока не поздно, надо в ней оставить след.

Как-то очень давно, в приступе веселого остроумия, лет этак двадцати от роду, сам с собой играя по обычаю в судьбоносные мысли, я решил жить до ста двенадцати лет. А поскольку 112 мне исполнится не скоро, спешить особенно не стоит. Никакие несчастья физического мира меня не касаются, я ничем серьезным заболеть не могу, все беды приходят и уходят, я остаюсь сам по себе. Но за оставшееся время надо хотя бы что-то успеть.

А что, собственно, надо успевать? И надо ли? За кем, или за чем надо гнаться? И надо ли? Кому и что я задолжал? За что задолжал – это вроде как бы и ясно само по себе: мне разрешают жить. И ясно с того самого детства, которое живо во мне по сей день. Должен за то, что мне дают жить, иногда плохо, но кормят, в школе дают почин на переменке, когда внутренности раздирает жаждый голод. Правда, бесплатные ботинки мне не положены, потому что мой отец не погиб на фронте, не военный, и у меня есть мама. Она геолог и доцент в университете.

Жена говорит: «Никуда не спеши. Ты просто живешь». Наверное, она права. Просто живу. И никому ничего не должен. Но ведь и мне никто ничего не должен. И зовут меня никак, и есть я никто. И никому я не интересен, но всегда должен и обязан. Интересно, почему?

В советские времена школьной комсомольской юности мне в голову было аккуратно вложено, что каждый должен приносить пользу. Города строятся для того, чтобы в них жили люди и ходили бы на работу, а работать обязан каждый. И люди живут для того, чтобы работать, выполнять план. Приносить пользу. Поэтому все люди Советского Союза называются «трудящимися». А кто не трудится еще пока – «учащиеся», «студенты», или еще как-то там. Спрашивается: кому польза? Ясно кому – Родине, Отечеству. А это кто? А это такой СССР, а там где-то наверху – Сталин. И все мы работаем, как-то так уж получается, что на него. И это святое. И защищаем его, и прославляем его, и в бой за него, и умирали тоже за него. И вдруг бежали-бежали – и добежали. Теперь мы не «товарищи», а «господа». Господа чому, кому? Себе самим? А кто над нами господа? Почему это они господа над нами?

Сегодня я хорошо знаю, что человек ни кому и ничего не должен. Он просто должен жить и поступать с другими так, как он хотел бы, чтобы поступали с ним. И вся мудрость жизни. Живи сам и дай жить другим. Если хочешь, чтобы тебе помогали, помогай другим сам, без их просьбы. Придет момент – и тебе помогут без твоей на то просьбы. Знаю, имею опыт, да еще как! Все симпатии и антиподы в мире взаимны. Хороших людей большинство. А вот мерзавцы, а они тоже есть, хотя не бывает абсолютных мерзавцев, тут принцип относительности, так те всегда всплывают вверх и образуют тонкий и липкий слой над всеми. Они заняты только собой и всегда всем мешают. В этом их главная специальность. Почему же их слушают? В свое время французский энциклопедист Этьен де ла Бозэ написал «Трактат о добровольном рабстве». Оказывается, все до примитивности просто: стоит только тебе признать верховенство над собой со стороны другого человека в чем угодно, как ты тоже поступаешь к нему в добровольное рабство. Пусть это превосходство заключается только в умении высоко поднимать палец и в нужное время говорить «О!». Теперь он – Господин «О!». А ты так не умеешь, и потому сиди и помалкивай, тебя не спрашивают. А для того, чтобы свергнуть его власть над тобой, его не надо ни бить, ни гнать, просто повернуться к нему спиной и больше его не слушать. Его больше нет. Все, ты свободен.

Как-то в Австралии мои австралийские друзья подарили мне черный бумажный свиток, намотанный на палочку с красными кисточками. А на свитке – текст, который я долго про себя повторял, потому что он точно отвечает на все поставленные здесь вопросы. Вот этот текст в моем переводе:

ИДИ С МИРОМ средь шума и суеты и помни, какое умиротворение может быть в тиши.

Насколько сможешь, без раболепия будь в добрых отношениях со всеми.

Высказывай свою правду спокойно и ясно и слушай других, даже скучных и невежественных; им тоже есть что сказать.

Избегай того, кто громок и агрессивен, они – возмутители духа.

Если будешь сравнивать себя с другими, станешь суетным и полным горечи, потому что всегда найдется более великий и меньший, чем ты сам.

Радуйся своим достижениям так же как и своим планам.



Борис Владимирович ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Поддерживай в себе интерес к карьере, как бы скромна она ни была; истинное обладание – в перемене удачи во времени.

Храни осторожность во всех своих делах; потому что мир полон обмана. Но пусть это не застит тебе существующих добродетелей, многие стремятся к высоким идеалам.

Будь собой. Особенно не стесняйся проявления чувств.

Не будь циничен в отношении к любви, потому что перед лицом всей сухости и разочарований она вечно зелена, как трава.

Незлобиво принимай советы годов, благодарно подчиняясь особенностям юности.

Питай мощь духа, чтобы защитила тебя во внезапном несчастье. Но не изнуряй себя воображаемым. Многие страхи суть порождение усталости и одиночества.

Содержа себя во всецелой дисциплине, будь добр к себе.

Ты – дитя Вселенной не менее, чем деревья или звезды; ты имеешь право быть здесь.

И независимо от того, ясно тебе это или нет, не сомневайся, что Вселенная разворачивается так, как должно.

Поэтому будь в мире с Богом, каким бы его ни считал, независимо от твоих трудов и устремлений, в шумной путанице жизни, будь в мире со своей душой.

Со всем своим притворством, обманом и разрушенными мечтами это все-таки прекрасный мир.

Будь осторожен.

Постарайся быть счастливым.

Найдено в старой церкви Святого Павла в Балтиморе. Датировано 1692

Что же мы тут имеем? Это такая нужная прививка от комплекса неполноценности!

Вдумайся: «будь в мире с Богом, каким бы его ни считал», «Ты – дитя Вселенной не менее, чем деревья или звезды; ты имеешь право быть здесь».

И ведь так недавно это было, всего менее трех четвертей века назад. Лежал я в своей неуютной постельке где-то там на жарком юге, в Самарканде в комнатке на улице Розы Люксембург. Мне очень хотелось, чтобы меня взяли на руки и унесли. Всю жизнь эту картину ясно помню. Погода – дрянь. Прямо так и ощущается, что могло бы быть все и повеселее. Сумрачно, одноко и ощущение моей всем тут ненужности. Свет в глаза. Глаза прищуриваются – в поле зрения только свет, и ползут то вверх, то вниз какое-то прозрачные, изогнутые цепочки мелких пузырьков на светлом фоне нитки. Глаза вверх движутся – нитки дернутся вверх. Остановишь – они сами потихоньку сплываются куда-то вниз. Цепочка немногого, две-три. Это моя забава. Лежу и гоняю эти цепочки. Вниз движутся сами, независимо от движения глаз, против света в окне. На потолке сетка мелких темных трещин. Окно большое, высокое, под самый потолок, с аркообразным верхом, где рама разделена на луки. Потом я узнал, что такие окна назывались венецианскими. А еще были венецианские стулья. Легкие, красивые, гнутого дерева. Но это потом.

Ощущение полной заброшенности. Ору, протестую. Кто-то подходит, берет на руки и носит по комнате. Теперь охватывает неизъяснимое блаженство. Только бы не положили обратно. Смотри на окно. И тут же в голове или где-то там внутри, может и в животе, возникает не мысль – откуда у младенца могут быть мысли, – а осознание и ощущение уверенности: «Я здесь уже был, я здесь у себя, по праву, на своем месте». Наверное, все-таки в животе, потому что